

ЛЕСЯ РЫСЁНОК
АЛЕНА ЯГИНСКАЯ

ХОЗЯЙКА
ЗАБЫТОЙ
АКАДЕМИИ

Алена Ягинская

Хозяйка Забытой Академии

<https://litres.ru/74238514>

Аннотация

Карина была безответным и безотказным секретарем в училище для особых деток и погибла в результате глупой шутки тех, кому всегда старалась помочь. Но на этом ничего не закончилось. Создатели мира Окенчар решили, что она та, что вдохнет новую жизнь в забытую всеми Академию для детей с проблемами в магии. Сумеет ли героиня найти силы, чтобы не только поверить в себя, но и разбудить все лучшее в выброшенных из жизни детях? А еще отвоевать территорию у нежити, наладить студенческий быт и получить в награду то, на что никогда даже не смела надеяться - простое человеческое счастье.

Книга участвует в литмобе “Очень страшная Академия”.

Содержание

Глава 1. Когда праздник не в радость.	4
Глава 2. Когда смерть тебя любит	11
Глава 3. Пробуждение	17
Глава 4. О мире и магии	23
Глава 5. Новая должность	31
Глава 6. Кухня и магия несовместимы?	36
Глава 7. Вот и делай хорошее людям	44
Глава 8. Сработемся? Не факт...	52
Глава 9. Морковь и кролики созданы друг для друга. И немножко для нас.	60
Глава 10. За барьером	67
Глава 11. Уроки магии	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Когда праздник не в радость.

Я ненавижу Хэллоуин. Страх, сжимающий тисками горло и не дающий кричать, – самое яркое впечатление моего осознанного детства.

Я сидела у окна и смотрела на то, как ветер лениво шевелит на дорожке опавшие листья, а толстый кот прижимает их лапой. Мне хотелось потрогать и кота, и листья, но я понимала, что вряд ли кто-то позволит мне это.

– Кари-и-и-на, – позвали меня, и я обернулась.

В комнату вошли существа с уродливыми лицами и в странных костюмах, похожих на залитые кровью лохмотья. Зловеще смеясь и улюлюкая, они выкатили меня в центр комнаты, окружили, принялись хватать за одежду и что-то требовать, но я не могла понять ни слова.

Я пыталась крикнуть, позвать на помощь, но не могла выдать из стиснутого горла ни звука. А они злились и толкали меня все сильнее. Я закрыла лицо руками, надеясь, что кошмар исчезнет, но существа отрывали мои руки от лица, что-то визгливо кричали и толкали мое кресло друг другу, пока не опрокинули его.

Потом я долго лежала на полу одна в комнате, боясь пошевелиться и открыть глаза. Встать я не могла, поэтому так

и уснула.

До сих пор мне иногда снится ночами, как я безмолвно кричу, задыхаясь от страха, и испытываю самое мерзкое чувство, которое осталось со мной на всю жизнь – ощущение полной беспомощности. Когда ты не можешь ни дать отпор, ни спрятаться или убежать и понимаешь, что на помощь тебе никто не придет.

Доктор Чэнь, что приехал забрать меня, сильно ругался. Что он говорил, я тогда не понимала и только спустя время узнала, что он был зол на моих приемных родителей, и выговаривал, что стресс мешает его исследованиям.

Мне было три. Именно тогда меня удочерили и увезли в Штаты.

Прошло 20 с лишним лет, но я все также ненавижу Хэлуин. В Штатах Вечер Всех Святых приобретает какой-то ненормальный размах и сводит людей с ума. Мои приемные решили, что стоит ребенку снова увидеть этот кошмар, то он перестанет бояться. Каждый год все десять лет, что я прожила в лечебнице доктора Чэнь, 31 октября они забирали меня домой, чтобы отпраздновать его.

Их родные дети вместе с друзьями исправно, масштабно и качественно пугали меня, как в первые дни после моего приезда. Проблема была в том, что я не понимала, что мне говорят, и чего от меня хотят. К трем годам я и на родном говорила не так чтобы хорошо. Пока доктору Чэнь не надоело, что я все время молчу и не понимаю его. Тогда ко мне при-

ставили няню, которая говорила со мной и по-русски, и по-английски. И она же сдала мужчину, когда вышел закон Димы Яковлева, и доктор решил избавиться от пациентов своей лечебницы. (ФЗ-272, который запрещает усыновление российских детей гражданам США, получил название по имени мальчика, погибшего от рук усыновителей).

Мне было 13, и я вернулась в приемную семью.

Доктор Чэнь хотел получить какой-то супер грант на исследование способов лечения ДЦП, и ему нужны были добровольцы. Он платил семьям, готовым усыновить и привезти ему детей, на которых он проводил свои эксперименты. Ценность жизни для него не имела большого значения, и методы у него были на грани.

Возможно, кто-то скажет, что ученый был злым гением, но я благодарна ему. Несмотря на свои довольно жесткие и порой откровенно бесчеловечные методы, он смог поставить меня на ноги. Пусть подволакивая ногу и раскачиваясь из стороны в сторону, но я хожу. Согласитесь, это немало для той, от которой отказалась мать, узнав, что ее ребенок всю жизнь проведет в инвалидном кресле.

– Карина Евгеньевна! А зайдите к нам! – завопили дети, толпой вылетев в коридор и окружая меня.

Все разрисованы и в масках. В нашем училище Хэллоуин тоже очень любят. Детки тут учатся особые. У нас не просто училище, а единственное в области Специальное учеб-

но-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно-опасным) поведением. И этот праздник пришелся им по душе. Как и традиция устраивать “осенний бал” в этот день.

И вот сейчас мне в лучшем случае предстоит восхищаться их костюмами и не очень умелым гримом, а в худшем стать жертвой какого-нибудь розыгрыша.

Я привыкла. Неприметный секретарь, который не может ничем ответить. Хромая, невзрачная, с замедленными реакциями, еще и заикание осталось после “счастливого” детства. Ну как не устроить такой, как я, какую-нибудь гадость?

Я не обижаюсь, нет. Эти дети похожи на меня. Они тоже никому не нужны. За меня мать боролась пару лет после рождения, а потом отказалась. Половина из наших учеников – сироты при живых родителях. Все оказались здесь по разным причинам, но у всех за плечами КДН, ПМПК и вдобавок какой-нибудь диагноз (*Комиссия по Делах Несовершеннолетних и Психолого-Медико-Педагогическая комиссия*).

Есть просто запущенные дети, а есть и опасные с преступными наклонностями. Вот так легла карта их судьбы. Училище позволяет им получить профессию и устроиться в этой жизни, ведь большинство из них не сдали бы пресловутое ОГЭ в 9 классе. А тут у них есть шанс, только не все из них это понимают.

Зашла в кабинет. “Повешенный”. Глупая жестокая шутка, повторяющаяся из года в год. Как говорят дети, “пранк”.

Я должна испугаться, поднять панику, начать метаться по классу, сбивая парты и ударяясь об углы.

В первый раз так и было. Потом, когда оказалось, что это розыгрыш, я получила выговор от завуча. Мне доходчиво объяснили, что надо быть жестче, спокойней и не поддаваться на провокации, иначе шутки наших учащихся будут принимать все более масштабный размах. Так и случилось. Меня спасало то, что реагирую я медленнее, чем от меня ждут. И сначала только улыбаюсь в ответ на подкинутую крысу или такого вот “висельника”. Тот страх, который я пережила в детстве, когда вокруг меня водили хороводы раскрашенные в кроваво-красный клоуны и ведьмы с резиновыми лицами, стал неплохой прививкой.

– Д-дискотека скоро, – сказала я. – С-с сигаретами н-нельзя.

Этим только 14-15, а курят из них три четверти. И мальчики и девочки. Подростки удивительные люди. В минус тридцать с голым животом – модно. С подвернутыми штанами и синими обмороженными лодыжками – модно. С электронной сигаретой в зубах – модно. “Все так ходят, а я чем хуже”. Хорошо учиться – кринж и треш, завести “масика” или хотя бы “краш” – высшее благо и цель существования. У нас даже спец.курс есть для молодых родителей, потому что слишком рано они ими становятся. Не все же “масика” находят. *(Масик — мужчина, который заботится о своей девушке, решает её проблемы и дарит подарки. У масика, как прави-*

ло, высокооплачиваемая и престижная профессия) Вот такие особенные у нас детки.

И хорошо, что сегодня это только розыгрыш, но у меня до сих пор дрожат руки и подгибаются ноги, как вспомню, как шесть лет назад мы нашли того мальчишку... Но слабость и страх нашим деткам показывать нельзя.

– С-сам справишься? – спросила спокойно.

“Повешенный” открыл глаза и показательно вздохнул. Эту петлю, которую на шею надевают, они друг другу уже который год передают. Она на липучках, сверху накидывается, а веревка к ремню, что под мышками затягивается, крепится. Расчистила место от разбросанных вещей, сдвинув их в сторону, поставила ему под ноги стул.

– С-слезай, – предложила.

Но детки разыгрались и им хотелось шалостей.

– Карина Евгеньевна, ловите! – сказал довольно рослый пацан, явно старше остальных и, раскинув руки, стал падать со стула на меня.

Да чтоб черти драли нашего психолога, который научил детей этому фокусу. Доверие мы так формируем! Это когда один падает, а остальная группа его ловит. Но не со стула же. И вся группа, а не одна полудохлая тощая хромоножка!

Острая боль в затылке и подозрительный треск не дали додумать мысль.

Карина Евгеньевна Силина

Добрый день, дорогие читатели!

И мы начинаем новую историю. На этот раз место действия - магическая академия, про которую немножко, чуть-чуть, то есть совершенно и абсолютно все забыли. А между тем там собрались совершенно особые детки. Какие? Скоро узнаете.

Добро пожаловать в литмоб "Очень страшная Академия"

<https://litnet.com/shrt/VSuW>

Глава 2. Когда смерть тебя любит

– Ну что, берем?

– Да ну, молодая. Надо бы кого-нибудь закаленного жизнью и с устойчивой психикой. А у этой явно с головой не все в порядке. Вот-вот мозги растекутся.

– Подумаешь, мелочи какие, сейчас поправим.

Контролируй сердце, Карина, контролируй сердце. Боль не может быть вечной, рано или поздно она уйдет. Главное, чтобы сердце выдержало болевой шок.

“Контролируй сердце” – я знаю эту фразу на английском и китайском. Доктор Чэнь говорил ее своей ассистентке, когда разрабатывал свою методику лечения ДЦП. Он хотел славы и денег и считал нас расходным материалом. Вот только добывать его было дорого и сложно, поэтому смертей он старался не допускать, реанимировал. Сколько раз мое сердце останавливалось и вновь начинало биться? Умирать прочно вошло в привычку. Но голосов в это время раньше я не слышала. Что-то новенькое?

Боль и правда отступила, только перед глазами была непроглядная тьма.

– Не, хороший экземпляр. Смерть ее любит. Давайте заберем.

Смерть по-китайски звучит примерно как “циван”. Циванова была фамилия приставленной ко мне няни, а Пэриш –

ассистентки доктора ([ˈrɛpɪʃ], англ. - погибать). И они обе ко мне хорошо относились. Так что, да, смерть меня любила. Благодаря им я не умерла раньше. Но все же странное что-то происходит. Не только голоса, еще как будто в воронку засасывает, как пылинку. Хотя все мы пыль в масштабах вселенной.

– А договор? – встревожился голос и засасывать перестало.

– Ну вот, сейчас опять начнется, – казалось кто-то был разочарован. – Ладно, не будем отступать от формальностей. Карина, является ли твое желание перейти в другой мир добровольным, информированным и осознанным?

– Вы меня что, в училище зачислить хотите? – вопрос вызвал такой диссонанс, что я невольно вступила в беседу. И удивилась, что слова произносились четко и без запинки.

– Почему ты так решила? – поинтересовался голос.

– Я же секретарь, я каждого ученика так примерно и спрашиваю, когда они приходят документы подавать на зачисление.

– А ты бы хотела оказаться в училище или даже академии? – голос был настолько вкрадчивым, что невольно подумалось, что очень уж мягко стелет. Но обжигающей и разрывающей каждый сосуд боли не было, я была благодарна за временную передышку, поэтому ответила:

– Нет, не хотела бы. Не в том я возрасте и положении.

– Но это же шанс завести друзей, отношения, подняться

на новый уровень, – принялся убеждать меня голос, как мне показалось, другой.

– Не в моем случае, – сказала я.

Не задалось у меня с друзьями. Их не было ни в Штатах, ни здесь. Там знали, что я отсюда. Тут со мной не хотели общаться, зная, что мне помогли встать на ноги там. Никому ведь не важно, какой ценой. Да и привязываться, а потом терять кого-то, как оказалось, очень больно. Мысли снова скользнули к тому мальчишке. Тихий, безответный. Он был похож на меня, родители перевели его к нам, потому что его буили в школах. Зря.

– И что, неужели ты ничего не хотела бы изменить? – спросил еще один голос.

Подумала.

– Почему, хотела бы.

– Да, и что?

– Чтобы тот мальчик, Коля Сидоров, – я сглотнула и поняла, что дрожат мои невидимые руки, которых я до этого не ощущала, – чтобы он остался жить.

– Договорились! – воскликнул радостно голос. – Коля остается жить, а ты соглашаешься на переход!

– Хорошо, – просто сказала я.

Явно же, как сказал голос в моей голове, я “мозгами потекла”. А кто с психами спорит? Вот и я не стала. Тем более, я знаю, что боль не только уходит, она еще всегда возвращается. И я мысленно приготовилась, что вот-вот на меня на-

хлынет весь спектр ощущений. Прошло больше десяти лет, а тело помнит и ждет. Контролируй сердце, Карина, контролируй сердце. Смерть тебя любит.

Сознание померкло и я начала падать в воронку.

Интерлюдия.

Реойт Готье, ректор Объединенной Академии Светлых земель в очередной раз выругался, когда стая шустрых кролов, минуя все магические арканы, удрала за периметр. Мужчина отпустил плетение, удерживающее открытым проход, и прореха в пространстве затянулась.

Искать добычу в кустах не имело никакого смысла, наглых тварей, которые спокойно проходили любые защитные барьеры туда и обратно, невозможно было поймать. Магия с ушлых зверьков просто соскальзывала, а охотиться за ними с мечом было неэффективно, они тут же разбегались в разные стороны.

Досадно было, что из брешей в пространстве чаще всего приходили именно эти зверьки. Такое ощущение, что энергия разрыва притягивала их, как ничто другое, и они специально ждали момента, чтобы сигануть в другой мир. Ну не могли же они в самом деле знать, что территория вокруг Академии заросла морковью, которую они с удовольствием хрумкали целыми днями?

Впрочем, иногда все же получалось добыть кого-нибудь посущественней и тогда в Академии было что-то, похожее

на нормальный ужин. А если нет...

– Адепты, это последний шанс раздобыть еды, или снова будем есть морковь. Как только откроется проход в другой мир, я держу, а вы хватайте и тащите. Только будьте внимательны, не как в прошлый раз, нежити у нас своей хватает. Готовы? – строго спросил мужчина.

Пятерка адептов кивнула, но мужчина сомневался, что у них что-то выйдет. Где и когда откроется точечный прорыв пространства, они научились определять почти все. Но вот что там можно будет добыть – каждый раз был сюрприз. В некоторых дырах можно было раздобыть животное, пригодное в пищу, а из некоторых выползло нечто непонятное и опасное. На этот случай у них было все отработано: два ловца, два загонщика, и адепт, который мог определить, съедобно ли то, что к ним норовит пролезть.

Сам мужчина держал защитный контур, удерживал и закрывал дыру в пространстве. И все бы ничего, но иногда кадеты хватали и тащили добычу раньше, чем получали сигнал от товарища, что она съедобная и безопасная. Тогда приходилось или запихивать ее обратно, или отбиваться.

Но вот очередная брешь засияла прямо перед ними. Ее контуры светились белым мягким светом, таким, что Реойт на миг даже подумал, а не восточка ли это с родных земель? Может, Академию решили закрыть и вернуть детей по домам? Хотел скомандовать, чтобы адепты ничего не предпринимали, но портал вдруг сама резво раскрылся и практиче-

ски выплюнул им в руки... Девушку?

– Съедобно, – честно вынес вердикт адепт. – Но не очень.

– Это как? – удивились все, но спросил один из загонщиков. Парень на всякий случай развернул в руках световой кнут, его любимое оружие, позволяющее достать опасных тварей, если те бросятся наутек, но совершенно бесполезное в охоте на кролов.

– Снаружи съедобно, внутри нет, – охотно поделился ощущениями младший участник рейда по добыче еды на ужин, разглядывая эту самую добычу.

– Отставить, адепты. Употреблять в пищу разумных запрещено, – сказал Реойт Готье, укладывая девушку на пожухлую траву. Он и сам не знал, что с ней делать, но не держать же на руках?

Адепты вздохнули. Есть морковку не хотелось. Ну почему это не могло оказаться чем-нибудь другим?

– А чего с ней делать тогда? – спросил второй загонщик. – Хотя она ничего так, симпатичная. Только мертвая. Жаль...

Все снова уставились на странную добычу, а ректор положил руку на шею девушки.

– Она жива, надо перенести ее внутрь, – распорядился он.

Пять юношей вздохнули и, подхватив на руки не совсем съедобную добычу, потянулись внутрь. Нормальный ужин опять сорвался...

Глава 3. Пробуждение

Боль не пришла, что безмерно удивило меня. Она всегда сопровождала переход из мира мертвых в мир живых. Полежала некоторое время, закрыв глаза и прислушиваясь к себе, потом все же открыла их. Обозрела каменный потолок, подвигала руками и ногами. Что, опять кошмар, будто я вернулась в 2013?

Доктор Чэнь, когда поднялся шум вокруг гибели усыновленного ребенка от побоев, и власти стали делать вид, что они что-то проверяют, приговорил нас всех. Продать нас по частям и окупить затраты казалось ему великолепной идеей. Его сдала моя няня. Не властям, нет. Своим. И Пэриш тоже. Американцы трусливы, они кичатся якобы своей силой, а сами пасуют и трясутся, что перед выходцами из Африки, что перед русской мафией. А уж когда те вдруг оказались в одном месте в одно время... Расследования не было. Только заметки в газетах, что две группировки не поделили рынок сбыта донорских органов, а доблестные власти штата вернули похищенных детей по домам.

Но это явно не сон. Все ощущения слишком реальны – холод, запах сырости, сквозняк. Последнее, что помню, как падаю на спину под весом здорового обалдую с идиотским чувством юмора и обо что-то ударяюсь головой. Так, и где же я оказалась? Аккуратно скосила глаза, боясь сделать лишнее

движение. Вроде комната, ширма, как в больнице. Но что с потолком? Почему он сводчатый и небеленый?

Раздался вздох где-то над головой, и я аккуратно, помню же, что боль может вернуться, повернула голову.

Ага, призрак. Закрыла глаза. Сотрясение или побочка от обезболивающего? Второе вероятнее.

Открыла снова. Призрак продолжал смотреть, не мигая. С участием. Еще и вздохнул.

Нет, не побочка, похоже, я без сознания. Плохо, сама могу и не выйти из комы. Но нельзя сдаваться, надо попытаться позвать на помощь.

Снова моргнула и почему-то сказала:

– Добрый день.

– Ну кому как, – отозвался полупрозрачный силуэт боро-
датого мужика в одежде, как в исторических фильмах. По-
том взмыл в воздух, сделал кружочек под потолком и опу-
стился рядом со мной на табурет, став вполне таким види-
мым. Еле поборола искушение потрогать его, чтобы понять
плотный он или нет.

Заодно оценила, что доброго в нашем с ним положении
на самом деле нет, и согласилась:

– Да, вы правы. У меня тоже как-то день не задался. По-
лагаете, я умерла или просто в коме?

– Нет, тебя сюда Создатели закинули, – покачал головой
старик, рассматривая меня. – Видимо пошутить решили.

Ну да, шутки, розыгрыши, пранки. Хэллоуин же. Но для

наших учеников это как-то чересчур. Чаще всего розыгрыши у деток выходят однобокие, довольно топорные и повторяются из года в год – от заклеенного скотчем унитаза на Первое апреля до “повешенного” на Хэллоуин.

– И что от меня требуется сделать? – спросила.

Просто, когда организуется шутка, от жертвы ждут какой-то реакции или действия. Мне ли не знать, я самая соблазнительная фигура для розыгрышей. Вот только реакции у меня замедленные.

– Да кто их знает? Может тебя мне подкинули, чтобы я тут в одиночестве не скучал, – пожал плечами старик.

– А вы, простите за нескромный вопрос, кто?

– Сторож и хранитель замка я. Ниримаске звать. А ты, стало быть, попаданка.

– Почему вы так решили? – вежливо спросила я, продолжая двигать то рукам, то ногами. Потрогала постель, на которой лежала, стену... Все ощущалось реальным. И фактура, и температура, и запахи – все. На сон не похоже, на пребывание в беспамятстве или под препаратами – тоже.

– Так видно же, что магия в тебе чуждая этому миру.

Угу, еще и магия.

Спросить про магию не успела, за дверью раздался шум, и мой собеседник исчез. Просто взял и растворился в воздухе.

Дверь открылась и вошел мужчина, а я так и продолжала смотреть в то место, где только что был старик, и встретила с вошедшим глазами. У него они были как грозовое небо –

колючие и настороженные. Почти у всех детей в нашем училище такие. Будто мужчина заранее всех если не ненавидит и презирает, то подозревает в чем-то – от покушения на личную свободу до предательства и лжи.

– С кем вы разговариваете? – спросил, не поздоровавшись.

– Сама с собой, – ответила.

Нет, могла и бы и правду сказать. Но... Мне не доверяют, и у меня нет оснований этого делать, не так ли?

Помолчали, глядя друг на друга. Ну ладно, мне-то что. Я глаз первой не опущу. Только не тогда, когда ты шесть последних лет в воспитательном учреждении для детей с девиантным поведением проработала. Смотреть открыто, доброжелательно и с участием – так от меня требует начальство.

Зато мужчину рассмотрела. Одет тоже, как и старик, на старинный манер – вроде костюм, но крой не современный и лацканы серебром расшиты, цепочка от часов на кармане, на руках перстни. А лицо привлекательное, выразительные черты, благородные, я бы даже сказала. Глаза внимательные, но холодные, и взгляд, повторюсь, подозревающий. Хотя его тоже можно понять. Я сама не знаю, как тут оказалась, может и для него это неожиданный сюрприз.

Нарушила молчание первой.

– Силина Карина Евгеньевна.

Пусть так. Когда я в Россию вернулась, я бабушкину фамилию взяла. Она единственная, кто обо мне думал, даже

писала и наследство оставила, из-за которого я смогла вернуться. Но это совсем другая история, как я тут без своего угла осталась.

– Реойт Готье, ректор Объединенной Академии Светлых земель. Как вы попали сюда? – требовательно спросил мужчина.

Я попала? Я попала... Академия, надо же. Думала про училище, а меня в академию отправили. Мозг, как всегда, работал с опозданием. Наверное, я должна паниковать и возмущаться. Но... было лень. Я лежу, мне хорошо, руки-ноги работают. Еще бы встать на ноги и тогда совсем все отлично будет. Ну а нет, ну так что же, было дело, проходили.

– Простите, но я не смогу вам ответить. Я не знаю, как я здесь оказалась. Помогите встать, пожалуйста, если вас не затруднит.

Боги, как же мне нравилось говорить длинными фразами! Когда я читала книги, иногда воображала себя на месте какой-нибудь аристократки, но понимала, что в реальной жизни я так не скажу никогда. Не потому что не хочу, наоборот, я бы с удовольствием не кивала коллегам, а желала всем доброго утра и прекрасного настроения. Но не с моим дефектом речи. Никто не дождется, пока я выговорю фразу больше двух слов. А сейчас могу! Могу!

Мужчина, который представился как ректор, подошел, бесцеремонно взял меня под мышки и поставил на ноги. Я вцепилась в него мертвой хваткой.

Нет, напрасно я думала, что мне все равно, если я снова окажусь неходячей, сердце зашлось в бешеном стуке, пока я очень медленно отпускала мужчину. Со стороны, наверное, казалось, что и прижимаюсь к нему в любовном экстазе, настолько крепко и плотно я его держала. Хотя откуда бы мне знать про это? Меня до дома никто ни разу не провожал, а о поцелуях и всем остальном я знаю только в теории. Говорю же, чужая для всех. Странная и непонятная.

Ноги держали. Держали! У меня слезы на глаза навернулись от радости. Так вот чего на самом деле я боялась.

– Прекратите немедленно! У меня нет времени и желания выслушивать ваши истерики, – хлестнули слова мужчины.

От неожиданности колени подогнулись, и я села, широко распахнув глаза. Истерика? У меня с трех лет не было истерик, когда я четко поняла, что никому не нужна и никто мне ничего не должен.

Мужчина вытащил платок и дал его мне.

– Вот, это должно помочь, – заявил он.

– Благодарю вас, – быть вежливой и воспитанной было безумно приятно.

– Я позову кого-нибудь. Демоны! – зло бросил ректор и вышел, хлопнув дверью.

А мне, наверное, в первый раз стало по настоящему обидно.

Глава 4. О мире и магии

Это я так мужчину напугала? Чем интересно? Оглядела себя. Одета точно так же, как и было до того, как на меня свалился ученик. То есть в костюме. Скромный, закрытый. Да и смешно было бы даже предположить, что я его как женщина мужчину смутила. Хотя хотелось бы. Ректор мне понравился. Может просто потому, что был первым, кто оказался ко мне так близко. Необычно. Непривычно. Волнительно до мурашек...

Что-то меня не туда понесло. Привычка постоянно анализировать свои ощущения осталась после лечебницы. Если ты хорошо описывала, что изменилось, то могли дать конфету. А сладкое я люблю. Какие еще радости могут быть у сироты, у которой нет ничего своего?

Кстати, а вещей никаких у меня и сейчас нет...

Но это мелочи, надо понять, могу я ходить или нет. Вот что важно.

Набрала в грудь воздуха, собираясь встать на ноги и подтвердить или опровергнуть свой самый страшный кошмар.

– Чего вздыхаешь? Ректор понравился? – раздалось ехидное позади.

Призрак. То есть он не показался мне?

– А что, нельзя? – Набычилась, как обычно это делали наши ученики.

– Да чего нет-то? Он неженатый, любитесь на здоровье. Только он бегаёт от баб.

Так, ноги или ректор? Пусть будет ректор, пока Ниримас-ке разговорился.

– Отчего же? – спросила.

– Не от чего, а от кого. Глухая что ли? От баб, говорю, бегаёт. Не любит он их, не смотрит даже.

– Ясно, – понятно сказала я. Красивый, молодой, мужественный, с таким взглядом, что душу до костей пробирает, ещё и ректор, и не женат. Логично, если он за другую команду играет.

Но так даже лучше. Значит, и думать больше об этом не буду, мне другой вопрос решить надо.

Ухватила за спинку кровати и неуверенно встала.

– А ты куда это собралась? – тут же спросил призрак. Ишь, любопытный какой.

– По нужде, можно? – спросила. У меня тут вопрос самый важный решается, а это чудище академическое под руку лезет.

Замолчал, только следил с интересом. А мне-то как интересно. Доктор Чэнь чудеса творил, пусть и было это очень... специфично. На ноги он меня поднял, только ходила я как та русалочка из сказки – преодолевая боль. А сейчас ее нет. Боязно.

Сделала первый шаг. Второй. Иду... Иду! Боги, я хожу! От волнения запуталась, что в какой последовательности де-

лать, и чуть не упала. Рассмеялась, заливаясь слезами радости.

– Девка, а ты часом не блаженная? – спросил хранитель.

Села на кровать и принялась глубоко и шумно дышать, успокаивая сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Надо взять себя в руки.

– Вы что-то спросили? – обратилась к призраку, вернув себе привычное состояние отрешенности.

– Ага. Говорю, ты откуда такая блаженная взялась тут?

– Не знаю. А тут – это где? Про академию я поняла. Но мне кажется, что я точно не в своей родной стране. Просветите меня, уважаемый Ниримаске, где я?

Призрак, усевшись напротив, охотно поведал, что я в мире, который называется Окенчар. Что мир магический, и мы находимся на самом его южном континенте. Можно сказать, на полюсе. Что Светлые маги построили тут академию, в противовес той, что стоит на севере, и отправляют сюда своих детей. Что есть еще три материка, Срединный, где жизнь бьет ключом и там живут вперемешку и маги, и люди. Они не делятся по магии и расам, только по государствам. Есть еще Западный континент, где находятся родовые цитадели Темных магов. А есть Восточный, где обосновались Светлые.

Ниримаске рассказал, что деление у магов вышло стихийно, и основа в том, что Светлые получают силу, созидая что-то, а Темным проще брать ее от разрушения и смерти. Но оно

и понятно, потому что у них в родословной демоны потоптались, которые только-только, когда мир возник, пришли на Окенчар. Но потом тут заварушка вышла из-за нарушения баланса энергий, и открылся проход в демонические миры, а оттуда всякие низшие сущности полезли. Пришлось совместно от них избавляться и демонов просить временно мир не посещать, пока он не стабилизируется. Но в нем все равно что-то сломалось, и Создатели пытаются найти причину и исправить это.

– А меня приставили, чтобы я за порядком следил и, если что, Создателям сообщал обо всем. Но как сообщать, если тут магии нету? – делился наболевшим хранитель.

Сейчас, когда он не мерцал, не становился полупрозрачным, а спокойно сидел напротив и рассказывал, я рассмотрела его. Определение “Седой, как лунь” подходило ему, как никому другому. Седые волосы, борода и усы, крючковатый загнутый нос и пронзительный взгляд желтоватых глаз делали его похожим на хищную птицу, а не на старого добродушного ворчуна, которым он старался казаться.

– Так академия не магическая? – уточнила я.

– Почему не магическая? Очень даже магическая. Тут лучше многих магии учат, – обиделся хранитель.

– Магическая академия без магии? Так разве бывает? – усомнилась я в словах старика.

И тогда он нехотя пояснил:

– Уходит магия отсюда. На север идет вся в академию, а

тут почти ничего не остается. Светлые академию на самом юге потому и построили, чтоб детей без магии оставить.

– То есть ученики тут не маги? – снова спросила я.

– Как это не маги? Очень даже маги, самые магические маги, – снова затянул свою песню призрака.

Дальше дискуссию продолжить не удалось. Хранитель внезапно исчез, а в комнату вошла женщина, села на его место и уставилась на меня. А мне стало интересно – хранитель невидимый, но в кресле, и она сидит на нем, или он исчезает совсем? Дурацкий и бессмысленный вопрос, но мне часто такие в голову приходят. Наверное потому, что в детстве этап “почемучек” прошел мимо, некому и некогда было вопросы задавать, поэтому сейчас мне интересны такие странные вещи. А еще я люблю все трогать руками, нюхать и пробовать на вкус. Баба Глаша, с которой я живу, со знанием дела заявляет, что это оттого, что меня “в детстве недолюбили”.

– И что с тобой делать? – спросила женщина в необычном костюме – юбка по щиколотку, свинцово-серая, пиджак такой же с серебряной отделкой, пояс расшитый чем-то вроде бисера. Руки зачесались все потрогать, но порыв я быстро укротила.

– Полагаю, действовать согласно инструкции, – ответила я.

Инструкции я любила. В них, как правило, есть ответы на все вопросы. Просто делаешь, как за тебя решили умные

люди, ни о чем не думаешь и не переживаешь за результат.

– Да вот как-то нет у меня инструкции, что делать с разумной едой, – развела руками женщина.

Я попала к каннибалам? То есть зря переживала, что снова в инвалидное кресло сяду? Меня на самом деле в пищу употребить хотят?

Да нет, не выглядел мужчина людоедом. Впрочем, Ганнибал Лектер тоже весьма харизматичный дядечка был...

– Вероятно, есть какое-то другое положение или постановление на этот счет, – не сдавалась я. – Во всех цивилизациях есть протокол, как действовать, если встречаешь инопланетную разумную жизнь.

В последнем была не очень уверена, а сделала вывод, исходя из фантастических фильмов. Кино я тоже любила. Меня баба Глаша много фильмов заставила пересмотреть и советских, и штатовских. Пыталась понять “загадочную душу эмигрантки”.

– Умная, значит? – спросила женщина. – А скажи мне, раз такая умная, что будешь делать, когда узнаешь, что из этой Академии ты не сможешь никуда выйти?

Задумалась. Я уверена, что нет такого места, из которого нельзя выбраться. В большинстве случаев это дело времени, потраченных усилий или везения. Вот даже Эдмон Дантес, будущий граф Монте-Кристо, когда он был узником замка Иф... Так, опять отвлеклась. Я в Академии. Что мне здесь делать? Учиться? Нет, не готова. Тем более тут маги. Свет-

лые, как я поняла. А я нет. Не хочу снова стать отверженной. В конце концов, меня сегодня даже мужчина в объятиях почти подержал. Ладно не в объятиях, а под мышки, и держал не он меня, а я его. Но все равно. Это большой прогресс, если сравнивать с моей обычной жизнью.

– Попрошу взять меня на работу, – ответила женщине.

– Вот как? – удивилась она. – А ну-ка, ну-ка, что ты умеешь делать?

– Могу организовать работу учебного заведения, – осторожно сказала я.

А как иначе? Такое заведение, как у нас, оно одно на весь город. Даже на всю область. Директор постоянно в командировках, на встречах и в разъездах – выбивает финансирование, или ищет спонсоров, или договаривается с предприятиями, куда возьмут наших выпускников. Это же не обычная школа или стандартное ПТУ. Директор крутится, как белка в колесе. Есть замы, но как-то так сложилось, что всю бумажную работу делала я. Я ведь безотказная. На самом деле “нет” я сказать просто не успевала. Они придут, все на меня свалят и уйдут. А я работаю. Так что да, организовать работу я могу. Не быстро, зато тщательно.

– Ладно, давай тогда осматрю тебя, и сообщу ректору, что у нас появился завхоз.

Она приложила ко мне штуку, похожую на бляху от фонендоскопа, и поводила ей по телу, по рукам, ногам и по голове, после того, как я сказала, что сильно ударилась.

– Странная ты какая-то, – сообщила мне женщина в итоге.
– Но вроде никаких повреждений нет.

Она еще о чем-то подумала, потом достала другую штуку, приложила ее ко мне, подождала, потрясла и снова приложила. Потом растерла ладони и между ними появился голубоватый свет. Я замерла, затаив дыхание. Очень хотелось потрогать это свет, какой он – теплый, холодный? Просто светится или греет? Но сдержалась. Женщина же выставила ладони вперед и сидела некоторое время, прикрыв глаза.

– Слушай, а ты часом не умертвие? – спросила неожиданно.

– А как выглядят умертвия? Так же, как я? – поинтересовалась вежливо.

– Нет, но ты же сама говоришь, что ты иномирное умертвие. Наши не такие, а как выглядят ваши, откуда мне знать.

– Прошу прощения, о том, что я оживший труп, я не говорила. Но если бы это было так, то мне были бы обидны ваши слова.

Это у нас психологи учеников так учат – проговаривать все свои эмоции.

– Так, ладно, с тобой все в порядке, а я к ректору, – махнула на меня рукой женщина и поднялась. – Надеюсь, ты никого не сожрешь, пока меня нет, – сказала себе под нос, выходя из комнаты.

И словно вторя ей, у меня заурчало в животе. Но что-то ужинать тут мне совсем не хочется...

Глава 5. Новая должность

Я осталась одна. Чувствовала я себя на удивление хорошо, оттого все сомневалась, что это не сон. Как говорится, если вы проснулись и у вас ничего не болит, значит, вы умерли. По такой логике я была полным и абсолютным трупом. Хотя нет, единственное, что у меня болело – бедро, которое я нещадно щипала.

Я успела найти уборную с зеркалом, умыться, пригладить непослушные волосы и осмотреть себя. Вроде это все еще я – невысокая тощая сероглазая шатенка с неподвижным лицом. Усилием воли натянула улыбку и тут же стерла ее. Лучше не стоит, выглядит жалко. Ну какое из меня кровожадное умертвие? Если только жертва...

Но жертвой быть отчего-то не хотелось. Я хожу, я дышу, мое сердце бьется, что еще нужно для счастья? И сдается мне, что я получила второй шанс. Значит, в этом есть какой-то смысл, не так ли? Баба Глаша говорила, что не может умереть, пока из меня человека не сделает. Наверное, у меня тоже есть какое-то дело, которое я должна закончить, поэтому я живу?

Так я рассуждала, пока не вернулась женщина. Она обнаружила синяк и радостно залечила, поведив вокруг какой-то штукой.

– У нас сегодня магия есть, надо пользоваться, – сказала

она.

Магия это как горячая вода?

Столкнулась со странной особенностью – в доме у бабули, у которой я снимала угол, летом отключали горячую воду. А тут отключают магию?

Спросить не успела, женщина развернула активную деятельность: она достала такой же, как у нее костюм, состоящий из длинной юбки и жакета, сказала, что это преподавательская форма, а я хоть и завхоз, а не преподаватель, но буду на обеспечении. Потому что у них этого добра навалом, а носить некому. Пояснила, что вышивка серебром – не просто так, а магическая, и чтобы я следила, чтобы она не стерлась.

Пока я переодевалась, госпожа Кинази сообщила, что она целитель и что работает тут одна, потому что никто сюда не едет, и что никому их Академия не нужна и все про них забыли.

– А напомнить? – спросила я.

На самом деле мне было странно слушать сетования на тему “Ах-ах, мы такие несчастные, никому не нужные”. Ненужными были те дети, которые попадали к нам в училище. И я прекрасно знаю, сколько сил все прилагали, чтобы это изменить. А если бы наш директор тоже сидел и вздыхал, что никому его начинание не нужно, разве что-то сдвинулось бы с мертвой точки? Чиновникам никогда ничего не надо, если только им за это не прилетит какой-нибудь бонус.

Так что неудивительно, что и про эту академию предпочли “забыть”. А может и не забыли, просто поддержка, которая выделяется, не доходит до адресата. Увы, так тоже бывает.

А может, руководство академии не может сформулировать и озвучить свои потребности. Почему-то иногда люди считают, что там, “наверху”, все знают, какие у них проблемы и что им надо. И обижаются, что им не дают того, что, по их мнению, им должны.

– Да напомнили бы, – женщина вздохнула и принялась увешивать меня разными штуками, – но связи со Светлыми землями давно нет. Никто не знает, сколько нам тут сидеть и за территорию Академии лучше не выходить.

Она бесцеремонно нацепила и застегнула на мне расши-
тый пояс. Меня много лет все таскали, как куклу, но за последние годы я уже привыкла более-менее быть самостоя-
тельной, поэтому спросила:

– Что это?

Глаза женщины забегали, и я поняла, что она ищет слова, чтобы соврать.

– Я все равно узнаю, но, если вы соврете, не смогу больше доверять вам, – сказала.

Это у нас в училище детям так говорят. На них не особо действует, а вот на женщину слова произвели впечатление. Она присела рядом.

– Это амулеты от... разного. Ты, главное, ночью из комнаты не выходи, там на дверях защита есть. А так, если по-

везет, то чудовища не нападут.

– Чудовища? – переспросила я. До меня вообще не быстро все доходит.

– Да-да, – закивала женщина, – пойдем, сейчас ужин, а там сама все увидишь.

Помня о том, что я еда и что должна увидеть чудовищ, от которых меня должны спасти амулеты, я пришла в столовую. Нет, соображай я чуть быстрее, я бы, наверное, возмутилась и не пошла. Но пока я состыковала одно с другим, госпожа Кинази под руку уже ввела меня в обеденный зал.

А там все со сосредоточенными и хмурыми лицами грызли морковь. Seriously, они едят на ужин порезанную соломкой морковь? Здоровые молодые парни и девушки?

Неудивительно, что при такой диете хочется обглодать ближнего.

Я обвела всех растерянным взглядом. А где чудовища?

– Вы бы ее хоть натерли, – сказала, когда госпожа Кинази усадила меня за стол и подвинула ко мне тарелку с оранжевым овощем. – Со сметаной или чесноком вкуснее было бы.

И тут все на меня уставились. Молча и не переставая жевать.

– Вы умеете что-то из нее готовить? – спросил пожилой мужчина, оказавшийся ближе всех.

– Запеканку могу сделать. Или пирожки, – призналась я. Вообще много всего могу. Я же с бабой Глашей жила. А

у нее подруга дачница. Кабачки и морковь – наши лучшие друзья. Как и тыква, и репа.

Мне показалось, или я услышала, как все разом сглотнули?

– А с чем еще пирожки вы умеете делать? – вкрадчиво спросил меня еще какой-то мужчина за столом. Так, как голос в моей голове про учебу спрашивал.

Подумала, что с человечиной не умею. Да и вообще с мясом не делала ни разу. Не было у нас с бабой Глашей денег на такую роскошь.

– С капустой. Луком. Яйцом. Картошкой. Грибами, – медленно перечисляла я.

На меня напал ступор, и по обыкновению я говорила, сначала тщательно подбирая и проговаривая слова про себя.

Лица студентов за столами застыли, приобретя странное выражение. Растерявшись, замолчала.

– Звучит, как заклинание, – раздалось в тишине за спиной. – Итак, познакомьтесь все. Госпожа Силина Карина Евгеньевна, наш новый завхоз.

Глава 6. Кухня и магия несовместимы?

– Нет.

Всего три буквы, а сколько сладостных ощущений они дарят.

“Нет” – и это возможность принимать собственные решения.

“Нет” – и это отсутствие недовольства от того, что берешься за что-то ненужное, неважное и бессмысленное.

“Нет” – и ты чувствуешь себя личностью, а не машиной для выполнения чужих команд.

Как я раньше жила без этого прекрасного слова? Как же здорово, что сейчас я могу произнести эти три заветных буквы!

– Нет, – наслаждаясь звучанием, произнесла я еще раз.

– Но почему? – возмутился магистр Чукар, пожилой преподаватель, что за столом оказался рядом со мной. – Кроме вас, готовить больше некому.

Пока я пребывала в себе, анализируя новые для себя переживания, он что-то говорил. Но я все прослушала, а аргументы у магистра закончились.

– У вас тут почти две сотни студентов, в том числе девушки, что значит, некому готовить? – спросила я мужчину, ко-

тогого приставили ко мне, чтобы все показать, а он первым делом повел меня на кухню.

И там радостно сообщил, что теперь это мое рабочее место, где я буду готовить на всю эту ораву, провожающую меня плотоядными взглядами. Будто я сама пирожок. С грибами. Мухоморами и бледными поганками. Или не знаю, что тут у них растет самое ядовитое.

А все потому что на том, что я завхоз, мое представление не закончилось.

– Темный маг, – добавил лорд ректор.

Вы бы видели, как менялись выражение лиц студентов. Удивление, возмущение, злость и обида сменяли друг друга. Но не жалость и брезгливость, которые были для меня гораздо привычнее. А еще любопытство, которое заставило некоторых оболтусов тащиться за нами.

– Как вы не понимаете, Карина, это же Светлые маги! – чуть и не с придыханием сказал мужчина. – Они не могут готовить.

– А, так они у вас больные. На голову ушибленные? Им ножи доверить нельзя, они друг друга и себя зарежут? – с сочувствием и вежливым участием поинтересовалась я.

На вид лбы были здоровые, с руками-ногами, и я пришла к выводу, что единственное, что у них может быть – расстройство психики. Других причин, почему они не могут себя обслужить, я не видела.

Магистр отшатнулся.

– Вы не понимаете. Светлые – это самые влиятельные и уважаемые маги Окенчара. Мы элита этого мира. Никто из нас не может работать на кухне.

– В таком случае наймите кухарку. Я завхоз, а не прислуга. И тоже не могу работать на кухне. И не буду, – сообщила я, разглядывая помещение.

Оно было большое, очень. Гораздо больше, чем у нас в училище. Но грязное до безобразия. Все в очистках этой самой моркови, которые налипли повсюду. У нас даже в учебных классах для поваров чище, чем здесь, хотя наши детки за собой убирать ох как не любят. Но их учителя заставляют порядок наводить, а тут, похоже, некому.

Магистр разразился новой возмущенной тирадой, но я не стала даже вникать. Определенно, “нет” – волшебное слово. Или это все от того, что я больше не заикаюсь? Раньше я бы просто не смогла отказаться. А сейчас... Этот мир нравился мне все больше.

– Но морковь же вам кто-то чистит? Если сами вы не можете даже этого? Не пойму, разве сложно приготовить из нее горячее блюдо? – остановила я поток словоизлияний.

Магистр возвел очи горе, и глубоко вздохнул.

– Я же объясняю, здесь нет слуг, а детям нельзя готовить. Во-первых, никому из них не доводилось делать ничего похожего раньше, они просто не умеют. Во вторых, они Светлые! То есть у них созидающая магия. И если доверить им приготовление пищи, они начинают ее создавать. Но магия

у них нестабильная и последствия непредсказуемы. А морковь чистит артефакт, вот он, – магистр с отчаяньем ткнул в машинку, подозрительно похожую на картофелечистку, с его пальцев сорвалась искра, и прибор тут же загудел.

Подошла, сняла крышку, заглянула. Точно, принцип такой же, как у нас в училище – корнеплоды крутятся и трутся об абразивный диск.

– А выключатель где? – поинтересовалась, не найдя привычной детали.

– Он сам выключится. Когда-нибудь, – смутился магистр.

И возникло у меня подозрение, что проблемы с магией тут не только у студентов.

– Так, ладно, слуг у вас нет, а сами вы немощные и Светлые, поэтому пристрастились к сыроедению. Дело ваше. Но я, признаться, порядком проголодалась. И как Темная, энергией солнца питаться не могу. Я бы от чего-то более существенно не отказалась. Предположу, что мяса вы не едите по религиозным причинам, но крупа-то есть? Могу я себе кашу сварить?

– А при чем тут энергия солнца? Мы же не стихийники! – обиделся магистр. – И мясо мы едим, если кто-нибудь его добудет. И крупа тоже есть, вот.

Он, достав из-под полы камзола ключ, открыл дверь в самом углу кухни. Настолько неприметную, что я ее сразу и не заметила. За ней оказался небольшой тамбур, который вел в два помещения.

А там...

Столько еды я в жизни не видела. Огромная холодильная камера забитая продуктами. Здесь были молоко и яйца, крупы и мука. Сахар, соль и приправы. Сметана, масло, творог. Не было только хлеба и колбасы, чтобы быстренько соорудить бутерброд. Наверное, их в первую очередь съели.

Прошла во вторую комнату, а там гигантское овощехранилище. Картофель, лук, свекла, кабачки с тыквами. Огурцов и помидоров не было. Видимо то, что можно съесть не готовя, уже употребили по назначению. Зато сухофруктов – сколько угодно.

Затарили деток на совесть. Но не учли, что они Светлые и на кухню им – ни-ни. Подумала, что каша – долго, а вот омлет с зеленушкой, которой тут было в избытке и все свежее, – самое то.

Набрала все, что нужно, и выйдя встретила жадные взгляды магистра и пятерых студентов.

– Вы готовить будете, да? – спросил один.

– Это мы вас сюда принесли, – поделился второй.

– Мы как-то пытались яйца приготовить, но у нас не получилось, – грустно заметил третий.

– А от молока животы потом болели, – вздохнул и поморщился четвертый. – И после этого кладовки совсем закрыли. Госпожа Кинази сказала, что мы так себя раньше угробим, чем нас твари или умертвия сожрут.

Жалко их стало, сиротинушек оголодавших. Я хоть в се-

мье не жила, но не голодала. Ну почти. А они ведь растут еще. Когда поближе рассмотрела, то поняла, что они хоть и высокие, но скорее всего еще подростки – движения такие же угловатые, неловкие, и есть диспропорция в теле.

Но этих пятерых же не накормишь, оставив остальных голодными. Тем более, что продуктов достаточно.

– Молоко кипятили? – спросила на всякий случай.

Замотали головами.

– А надо было? – спросил первый.

– А как давно оно тут лежит, может испортилось, – предположила я с сомнением глядя на продукты. Выглядели они свежими, но мало ли.

– Что вы, госпожа Силина! Тут стазис, эти артефакты мы в первую очередь заряжаем. После барьера и охранных чар, конечно, – заверил меня магистр.

Остальные согласно закивали, и столько надежды было в их глазах. Что-то внутри дрогнуло.

– Приготовлю ужин один раз, – четко сказала я. – Вы все будет помогать. Без магии. Если что-то колданете и испортите, будете всю оставшуюся жизнь есть одну морковь. Понятно?

Пятерка кадетов переглянулась и закивала. Магистр хотел что-то возразить, но сдуслся и попытался слинять.

– И вы, уважаемый магистр Чукар, тоже остаетесь и приглядите за молодыми дарованиями. Чтобы они мне тут не создали ничего ненужного. Научу делать омлет, а дальше са-

ми его готовить будете, ясно?

Дарования радостно изобразили согласие, магистр тоже обреченно кивнул.

– Нам нужна чистая одежда типа фартуков, вымыть руки и убрать волосы, – начала я. – Без магии. Здесь есть фартуки?

Магистр, что вскинул уже было руки, опустил их и недоуменно переглянулся со студентами. Повисла тишина.

– Тогда сейчас смотрим и запоминаем, что где здесь лежит. Когда я спрошу где большая глубокая сковорода, тот, в чьем она секторе, быстро мне ее подает. Задача понятна? Осмотреть и запомнить все, что есть в вашей зоне. С памятью у вас как, нормально? – сказала я.

Они важно кивнули. Говорю же дети. А мне так приятно стало, что я командую и меня слушают, что в груди тепло разлилось. Разделила кухню на зоны и раздала детям. Пока они сосредоточенно заглядывали в каждый ящик и на каждую полочку, спросила магистра:

– Значит, Светлые могут только создавать?

– Нет, почему только создавать. Просто для нас это естественно. Мы используем энергию мира, чтобы улучшать и менять его.

– А очищать Светлые могут? – спросила, глядя на загаженное помещение, – или это не к вам?

– Разумеется, можем. Очищение и раздача благодати – именно для этого нужны Светлые маги, – важно ответил магистр.

– А вы сами умелый маг? Наверное, лучший в Академии?

– Ну, самый сильный у нас ректор. Но я тоже многое могу, да, – согласился мужчина.

– Тогда может быть вы явите благодать и очистите кухню? Чтобы точно больше животы ни у кого не болели, – предложила я.

Глава 7. Вот и делай хорошее людям

Маг замер в неподвижности. А я думала, только у меня заторможенные реакции.

– Как это связано? – спросил он.

– Об этом вам госпожа Кинази расскажет, но поверьте, связь самая прямая. Или вы не справитесь? – подначивала я мужчину.

Поджал губы, но согласился:

– Не вздумайте никому говорить, что я это делал, – предупредил меня.

Покрутила пальцами у рта, изображая, что закрываю его на замок. Светлый понял это по своему, удовлетворенно кивнул и вскинул руки.

Ну что сказать, очищение – очень даже по профилю светлых.

– Магистр, вы просто гений и мой кумир. Это самая прекрасная работа Светлого мага, которую я видела в своей жизни, – призналась я.

Не соврала. Больше я вообще никакой магии не видела, кроме сияния рук целительницы. Но они просто сияли и больше ничего не происходило.

Но студентам неожиданно стало завидно.

— А мы и не так можем, — заявил первый. Из всех остальных он был самым щуплым.

— Да? — прищурилась я. — Буду иметь в виду.

Остальные заподозрили, что зря это лягнули, и ткнули парня в бок. Но тот только фыркнул и задрал голову.

Настроение у меня от вида чистой кухни и пяти помощников взлетело до небес, и я, как обещала, начала учить детей готовить. Только подумала, что омлет хорошо, а творожная запеканка лучше. Пусть у деток будет что-то типа второго ужина, и ее же оставим на завтрак.

Магистр на удивление вел себя прилично и больше не говорил, что полагается, а что нет делать Светлым магам. Он послушно включил духовки, которые работали на магии, только поворчал, что приходится ценный ресурс на такую ерунду тратить, а творог можно и сырым есть.

Потом помог перемешать творожную массу, тоже применив магию, а вот в формы ее выкладывали студенты ручками. Они порывались показать мне левитацию, но я пообещала оторвать им ненужные части тела, которыми они не хотят работать. Они даже не усомнились, что я могу это сделать. Притихли и некоторое время были послушными. Даже убрали за собой рабочие места и помогли разобраться, как вскипятить воду и сварить компот.

Сначала, правда, морщили носики, глядя на “умерший виноград” и предлагали попробовать вернуть его к жизни. Я в такой ступор от этой идеи впала, представив оживший вино-

град, что замерла на месте, соображая, что имеется в виду. А они решили, что я что-то задумала и больше с предложениями не лезли, просто делали, что велено.

Пока ждали, когда подойдет запеканка, я поставила опару на хлеб. Сама никогда этого не делала, но теорию знала. Мы пекарей в училище тоже готовили, и преподавательница по предмету всегда тонкостями, что и как надо делать и что на этот раз перепутали наши детки, делилась. Я соображаю долго, зато делаю все тщательно и запоминаю хорошо. А планы, меню, технологические карты и все остальное я оформляла, поэтому всю рецептуру, что у нас готовили, и все, чему мы детей учим, я знаю.

А вот когда запеканка подошла и по кухне поплыл запах... Сначала в кухню с периодичностью секунд в тридцать стали заглядывать детские мордашки, вдыхали воздух и скрывались в дверях.

А потом появился лорд ректор. Обвел кухню недовольным взглядом и спросил:

– Что здесь происходит? Кто разрешил тратить магию?
И мне снова почему-то стало обидно.

Ректор был недоволен. Смотрел на нас так, будто мы не творог запекали, а жертвоприношение устроили.

– Как вы посмели тратить энергию на такую ерунду? Вы понимаете, что нам надо укреплять защиту? А если прорыв? Могут пострадать адепты! – выговаривал мужчина сквозь зу-

бы и сверлил нас глазами.

– Лорд Готье, я не тратил магию, я использовал собственный резерв, – оправдывался магистр Чукар.

– Какая разница? Если придется сражаться с тварями, а у вас пустой резерв, то кто в этом будет виноват?

Я ничего не понимала. Магистр что, как автомат? Должен быть с полным боекомплектom на случай – придет война, а я разряжен?

– Лорд ректор, я в норме, я уже восстановился.

– Тем более! Вам пришлось тратить магию на собственное восстановление, вместо того, чтобы укрепить защиту. Госпожа Силина, пожалуйста, не вынуждайте больше наших сотрудников тратить ценную энергию на вашу блажь!

Он не кричал, но столько в его голосе было досады и недовольства, что хотелось ошестиниться, как мои детки, и сказать гадость в ответ. Или уйти.

А еще отчаянно захотелось домой. Что я вообще делаю в этом мире, как тут оказалась? Почему поверила, что попала куда-то? Потому что мне об этом полупрозрачный старик сказал? Так он и привидеться мог.

Да, на Земле было не все гладко. Дом, наследство бабули, отобрал брат, и ему же я каждый месяц отдавала часть зарплаты. Зато у меня была работа. Начальник на меня голоса ни разу не повысил, наоборот, всегда по доброму общался, с уважением. Ценил. Не то, что тут.

Еще была баба Глаша с подругами, взявшими надо мной

“шефство”. Они тоже ко мне с некоторой заботой относились и участием. Постепенно наладилось бы и все остальное.

А что тут? Все тоже “ничего”, но еще я не понимаю, по каким правилам жить.

Даже когда меня приемные на ферму к знакомым сослали, после того, как их стали расспрашивать, как живет приемному ребенку, то объяснили, на каких условиях я могу рассчитывать на миску похлебки.

Потом узнала, что бабушка всех письмами и жалобами закидала, что ей не дают с внучкой общаться, ничего о ней не сообщают, и что она подозревает приемных в насилии над ребенком. Дескать, я ей звонила и жаловалась. Конечно, никуда я не звонила, да и кто бы позволил. А приемные хотели меня сутенерам отдать, есть, оказывается, любители, когда партнер неполноценный и ответить не может. Но в цене не сошлись, за меня мало давали. Это я случайно подслушала до отъезда на ферму. Они перестраховались и решили подождать немного. И стали с бабулей переписываться, чтобы показать, что все в порядке, и чтобы к ним с проверками не лезли.

А бабушка тактику сменила, стала писать, что стара уже, что перед смертью повидаться хочет. И что имущество все мне завещала. Американцы до денег жадные, они им совесть и все остальные чувства заменяют. А бабуля все расписывала, что у нее дом без хозяйки останется, что земля зарастет. И все в таком виде подавала, что приемные решили, что ба-

буля у меня женщина одинокая и богатая. Не в курсе они были, что собой типичный домик в деревне представляет. А старушка еще и фото присылала, где она на фоне дорогих интерьеров, и аккаунт в соц. сетях завела. И там то про бас-сейн напишет, что почистили плохо, то фото еды какой-нибудь выложит. Про то, что она в чужом доме подрабатывала, молчала.

Приемные купились и решили наследство мое к рукам прибрать. Только поэтому в Россию и отпустили, чтобы я в права наследства вступила. А я решила обратно не возвращаться.

А сейчас вот хочу. Не к американцам, конечно, к своим. Мне бы только понять, как. Но если у них тут прорывы открываются, то, наверное, можно и на Землю проход открыть. Тем более, тут маги все, волшебники. Если их попросить, то может кто и согласится мне помочь. Правда, у них с силой и магией сложности какие-то... Но они, как американцы, на чужом горбу в рай въехать хотят. “Мы же Светлые, будем лучше морковку есть, чем ручки замараем и яичницу пожарим!”

А я не Светлая.

Я разберусь. Смогу. Вернусь.

– Госпожа Карина! – я снова погрузилась в раздумья, от-
решившись от мира, и окрик вернул меня в реальность.

– Она же сгорит! – паниковал самый шуплый из студентов.

Сгорит? Кто сгорит? Ах, запеканка же!

Встала, молча достала противни. Нарезала на квадраты-порции.

– Принесите сметану, – попросила.

– Вы так и будете меня игнорировать? – ректор недовольно воззрился на меня.

Эх, Борис Сергеевич, как же я по вам скучаю...

– Если бы вы мне объяснили, что собой представляет магия, и почему ее нельзя трогать, то я постаралась бы впредь не допускать таких ошибок, – тщательно подбирая слова, сказала я.

– Объяснять элементарное – за кого вы меня принимаете? – холодно бросил он.

Аккуратно и медленно положила нож рядом с противнем.

– Раздаточную лопатку, – скомандовала.

Ректор посмотрел на меня удивленно, а студенты соображали, и тот, что был шире всех, достал и подал мне требуемое.

– Я считаю вас своим работодателем. Провести обучение нового сотрудника и ввести его в курс дела в наших общих интересах. Тем более, что вы, как никто должны понимать, что я не в курсе местных реалий. Возможно, что вы не знали, но в моем мире никакой магии вообще нет.

– Как нет? – удивились все. – Вы же Темная. Разве вы не из Мороксойла?

– Что такое Мороксойл? – спросила я.

Все переглянулись и замолчали, а я в тишине принялась раскладывать запеканку. Раз приготовили, не пропадать же.

Глава 8. Сработемся? Не факт...

Студенты смели все мгновенно. И запеканку со сметаной, и компот из “умершего винограда”. Но не расходились, продолжая сидеть в столовой и чего-то ждать. Ни о каком завтраке речь уж не шла, на противнях просто ни крошки не осталось.

– Как можно так над детьми издеваться? – спросила я, жалея о том, что хлеб будет только завтра. – Вы их вообще не кормите или они у вас святым духом питаются? – спросила магистра Чукар. – И мне нужны дежурные, чтобы прибрать здесь все и вымыть посуду.

Магистр воровато оглянулся.

– Госпожа Силина, давайте я магией...

– Ну уж нет, – мысль магистра я сразу уловила. – Не надо мне тут никакой магии. Если она у вас в таком дефиците, зачем делать все эти вещи, которые на ней работают? Просто дайте мне несколько провинившихся студентов, и пусть они убирают.

– А давайте мы помоем и приберем, – предложил тот из пятерки, что был самый шуплый.

– Тем более, что мы тут уже освоились, – добавил второй.

– Другие точно магию использовать будут, – заметил третий.

– А вы нам про свой мир расскажите. Как это, без ма-

гии жить? – четвертый наконец-то выдал причины вторжения пятерки на кухню.

А пятый промолчал, он вообще почти не разговаривал.

Махнула рукой, мол, работайте, мне не жалко. Мне дико. Я не могла понять логики магов – лучше одну морковь есть, чем каплю магии на печь потратить? И что мне с хлебом делать, дровяную печь класть? Не выкидывать же опару, жалко. У меня вообще рука что-то выбросить не поднимается.

Уйти в размышления не дала госпожа Кинази. Целительница зашла на кухню счастливая до невозможности, что прямо светилась вся.

– Карина, это было потрясающе вкусно! Спасибо, порадовала чем-то настоящим, а то эти концентраты так надоели, что зубы сводит.

– Концентраты? – переспросила я.

– Ну да, мы все ими питаемся. А у вас такого нет, да? Это что-то типа обогащенной необходимыми питательными веществами и магически насыщенной субстанции, высушенной и спрессованной. Ее с утра съедаешь и на сутки хватает. Я тебе принесла, кстати, держи.

Женщина вложила мне в руки цилиндр с крупными, размером раза в два больше пятирублевой монеты, таблетками.

– По одной с утра, – напомнила она.

– То есть тут никто не голодает, – дошло до меня. – А зачем вы детей морковью кормите?

– Потому что у кадетов должен быть режим. Да и полезно

питаться чем-то, помимо концентратов, – голос ректора за спиной заставил меня вздрогнуть.

И что его снова нелегкая принесла? Ушел же вроде? Внут-ри заворчалось недовольство собой. Вот я глупая, пожалела деток, называется. Магию их ценную и непонятную потратила, продукты перевела, а они тут и без этого неплохо жили.

А все почему?

Потому что нет инструкции. Был бы список оговорен-ных должностных обязанностей, даже не подумала бы нико-го кормить. Хотя таблетками питаться совсем не хочется... Курочки бы или супчика...

Медленно развернулась и сказала то, что должна была сказать раньше:

– Мне жаль, что так получилось, и я потратила вашу ма-гию. Постараюсь больше не допустить такого. Впредь гото-вить не буду. Кухню приберем. И я бы хотела увидеть список своих обязанностей.

– Пойдемте, – кивнул мне ректор. – Именно это я и хотел с вами обсудить.

Кабинет ректора был обычный. Не знаю, что я ожидала увидеть, но он ничем принципиально не отличался от каби-нета Бориса Сергеевича. Массивный стол, книжные шкафы, ковер, кресла и диванчик для посетителей. Ну, мебель чуть внушительнее, да окна с тяжелыми шторами, а не жалюзи. И ноутбука нет. На столе бумаги и чернильный набор. Вот

только в кресле руководителя совсем другой человек...

И снова так тоскливо на душе стало, такое невыносимое одиночество навалилось, что не выдержала, спросила:

– Лорд Готье, вы можете вернуть меня обратно?

– Что, уже хотите сбежать? – с кривой усмешкой спросил он. – Испугались первых же трудностей?

Задумалась. То есть вот так это выглядит со стороны? Но, наверное, он прав, а на правду не обижаются.

– Дело не в трудностях. Просто я не вижу, чем могу быть полезна, а быть обузой не хочу, – объяснила я свою позицию.

У нас психологи так детей учат – что бы ты не чувствовал, не молчи, не замыкайся и не уходи от проблемы, а объясни, что именно в ситуации тебя не устраивает. Откровенный разговор – путь к взаимопониманию.

Но проблема в том, что искать с ректором это самое взаимопонимание я совсем не хотела.

В своем мире я инвалид, но никто не посмеет сказать, что я обуза. Даже на ферме я честно отработывала свою миску похлебки, и там никто не смотрел, что я подросток и едва хожу. Я ухаживала за скотиной и птицей, помогала на огороде, даже туши разделывала. На работу выходила с рассветом и работала до заката, потому что иначе хозяин обещался меня отослать к приемным и намекал, что у них на меня есть планы, которые мне не понравятся. О планах я и без него знала, потому и не роптала. И даже когда в межу от усталости без сознания падала, о трудностях не думала.

А теперь мне об этом говорит Светлый, которому магию тратить нельзя, а руками работать зазорно. И как мне вести себя с ним?

– Я не могу вас отправить назад. Для начала, я не знаю, откуда вы. Я был уверен, что из Мороксойла, это империя Темных магов на западном континенте, ведь госпожа Кинази не сочла нужным сообщить мне, что вы из иного мира. Видите ли, она прибежала ко мне и сообщила, что девушка из портала – специально присланный в Академию завхоз. Но перемещение пошло не так, и в результате вы пострадали сами и потеряли багаж вместе с документами. Портал действительно был не такой, как обычно, а сомневаться в своих словах наш целитель до сегодняшнего дня оснований не давала. Поэтому я и объявил вас завхозом. Но теперь пришла пора разобраться, что вы такое на самом деле.

“Что”. Он сказал про меня “что”. Показательно.

– Силина Карина Евгеньевна, человек, – повторно представилась я. – На Окенчаре впервые. В своем мире магических способностей не имела, поскольку магии там нет. Соответственно, ничего об этом не знаю. Попала сюда случайно...

Замолчала. Или не случайно? Я упала и потеряла сознание, и потом мне приснился какой-то разговор. Как будто меня в училище записать хотят, но сомневаются, потому что у меня мозги растеклись. И другой мир предложили за то, что Колю к жизни вернут. Но я на самом деле здесь, значит,

он должен остаться там, так получается? И что, тогда мне нельзя назад?

– Госпожа Силина, вы опять меня игнорируете, – раздался недовольный голос ректора. – Вы подписывать документы будете или как?

– Что “или как”? – переспросила я.

Опять я все прослушала. Привычка у меня такая. Когда-то она мне даже нравилась, что я в любой момент могу отрешиться от всего. Не слышать оскорблений, насмешек и обидных слов, думать в это время о чем-то теплом и приятном, а потом спокойно вернуться к работе, не тратя силы на переживания и “деструктивные эмоции”. Ну, вы поняли, откуда я это слово знаю, да?

А сейчас эта привычка меня подводит. Вокруг все время что-то происходит, поступает новая информация, а я ее не успеваю обработать. Я еще мысль с Колей Сидоровым не додумала, а тут какое-то “или”.

– Или я сажаю вас под замок до выяснения, кто вы такая и как тут оказались, – сказал ректор, нетерпеливо постукивая пером по листу бумаги.

Пером. Настоящим. Рука сама потянулась взять его. Потрогать, провести пальцем по стержню, проверить на упругость опухало... На ферме были курицы и цесарки, гуси и индюки, а еще страусы. Играть с перышками – едва ли не единственная доступная забава. Я собирала коллекцию самых красивых, полосатых. Потом ее отобрали, а надо мной

посмеялись.

– Подписывайте уже! – скомандовал ректор, а я покачала головой.

– Не могу, – сказала я. – Я не подписываю документы, не ознакомившись с их содержанием.

– Так читайте, только побыстрее, – ректор подвинул мне листы.

Он явно не рад был меня видеть и досадовал, что ему приходится тратить свое время. Опустила глаза в документ.

– Не могу, – призналась. – Кажется, я не умею читать.

– Демоны! – простонал мужчина. – И что мне с вами делать? Клятву-то хоть приносить умеете?

Вроде мозгами текла я, но такое ощущение, что мы вдвоем там были. Молча покачала головой. Какая клятва, сказала же, что в магии не понимаю ни-че-го.

– Я ничего не смыслю в магии, – напомнила я.

– Боги, за что мне это – Темный необученный маг на мою голову? – воззвал куда-то вверх ректор и снова уставился на меня. – Может, вы поверите мне на слово, что это стандартный контракт на работу и в нем нет ничего опасного для вас?

Покачала головой. Поверила уже один раз. Брату. Потому и снимаю даже не комнату, а угол за шкафом у бабы Глаши, и пирожков с мясом ни разу не стряпала.

– Ладно, тогда поступим так – пока есть магия, мне надо укрепить защиту. Вы идете со мной, оставлять без присмотра вас нельзя. Стоите рядом и не мешаете. Если у меня воз-

никнет хоть малейшее подозрение, что вы пытаетесь как-то навредить Академии, то я приму меры, которые вам не понравятся. Согласны на такой вариант?

А какой у меня выбор? Сидеть под замком? Тоже не ново, но зачем, если можно провести время более продуктивно?

– Вы расскажете мне про магию? – спросила, кивнув.

– Да, – немного помедлив, сказал ректор. – И плащ дам, идемте.

Глава 9. Морковь и кролики созданы друг для друга. И немножко для нас.

Под любопытными взглядами студентов мы с ректором Готье покинули здание Академии и двинулись прочь.

– Как много здесь кустов, – заметила я, стараясь не отставать от мужчины.

На территории Академии было неуютно. Во-первых, темно. Сгущались вечерние сумерки, а фонарей тут не было. Видимо, расходовать магию на освещение территории посчитали нецелесообразным, а до электричества, полагаю, тут просто еще не додумались. Во-вторых, все вокруг до неприличия заросло кустами, так что двигаться приходилось отодвигая и придерживая ветки. И ладно бы, Академия просто заросла, но меня не покидало чувство, что в этих кустах что-то происходит. Они как будто шевелились, шебуршали, и оттуда наблюдали за нами.

На Земле на меня старались не смотреть, отводя глаза, а здесь я постоянно ловила на себе взгляды и ощущала себя в центре внимания. Это было непривычно, и я не могла решить, как к этому относиться, и к чему готовиться. Обычно, если я оказывалась в центре внимания, то это значило, что ученики что-то задумали. Но быть под наблюдением кустов?

Это странно даже для меня.

– Да, растет здесь все очень быстро. Поначалу мы вырубили эти кусты, но чем больше с ними борешься, тем охотнее они разрастаются. Хуже них только морковь, – отозвался ректор, продолжая двигаться к одному ему ведомой цели.

– Морковь? – удивилась я. – Вы выращиваете морковь?

– Не то, чтобы специально выращиваем. Просто когда стало очевидно, что нас тут бросили, думали наладить хозяйство. Посадили кое-какие овощи, а adeпты решили подтолкнуть их рост магически. – Мужчина, начав рассказ, оглянулся. Заметил, что я не успеваю за ним, остановился, дождался и взял под руку.

Я совершенно растерялась от этого. Ко мне старались не прикасаться, как будто ДЦП можно заразиться от того, что находишься рядом. И я бы снова ушла в анализ собственных ощущений, но про любимое блюдо местных студентов узнать было интереснее.

– Выбрали одну грядку и сплели заклинание ускорения роста. Но подвел недостаток знаний, опыта и хладнокровия. А еще здесь у всех проблемы с магией. Собственно, из-за этого нас всех сюда и сослали, надеялись, что в условиях дефицита магии удастся взять дар под контроль, или он сам угаснет, – с затаенной горечью сказал мужчина. – Заклинание получилось не то, легло не так, adeпты попытались, пока никто этого не заметил, все исправить, но запутали еще больше и растянули по территории. И морковка начала рас-

ти, захватывая все новые площади. Для нее даже почву не надо никак готовить. Она просто растет и растет. А вот и она. Держите.

Мы дошли до полянки, заросшей этой самой морковью. Реойт Готье наклонился и выдернул одну. Провел по ней ладонью, и она стала чистенькой и притягательной на вид. Протянул мне. Взяла и откусила. Вкусная, сочная морковь.

“Закуску по-корейски сделать из нее что-ли, чеснок я видела и перца в кладовках вдоволь самого разного. Надо посмотреть, что тут из терок есть”, – прикидывала, с удовольствием хрустя сладким корнеплодом.

Себе ректор чистить морковь не стал, но протянул мне еще несколько, видя, что я с аппетитом съела предыдущую. А мне понравилось. Возьму с собой, буду в сахар макать и хрумкать вместо конфет. Кто не пробовал, не поймет, но кто так сделал хоть раз, тот оценит простоту решения.

– Постепенно морковь захватила все свободное пространство и вытеснила остальные овощи. Противостоять ей смогли только кусты, которые тоже стали разрастаться. В итоге у нас все заросло или кустам, или морковью, на которую сбегаются кролы со всех миров, – закончил рассказ мужчина, насмешливо глядя, как я расправляюсь с угощением.

– Кролики? – переспросила, решив, что ослышалась.

– Эм-м, – протянул ректор и принялся оглядываться. – А, вон сидит возле куста, видите? Грызет морковь. Им она тоже по вкусу пришлась, – показал мужчина чуть в сторону.

Всмотрелась. Да это не кролик, это натуральный крол!

На ферме, где я жила, были кролики породы бельгийский великан. Так вот они по сравнению с этим кролом были малютками. Великан сидел сейчас под кустом и, глядя на нас, ел морковь. Рука дернулась поймать его и он, почуяв порыв, бросил овощ и сиганул в кусты, которые тут же зашевелились.

– И много тут таких кролов? – спросила, сообразив, отчего кусты наблюдали за нами.

– Очень. Их не поймать магией, она с них соскальзывает. А охотится с мечом неэффективно.

– Кто же на грызунов с мечом охотиться? – сказала я. – Кроликов силками ловят.

– Вы умеете ловить этих зверей? – удивился Рейот Готье.

– Не то, чтобы я их часто ловила, но в принципе, знаю как.

Потому что в теории у бельгийского великана спокойный характер, но на практике эти твари все время норовили удрать. И если наши были заперты в клетках и удавалось им это крайне редко, то соседские... Мне кажется, что сосед специально их разводил и выпускал, когда хотел проредить урожай Генри Мейеру.

А здесь такие кролищи! Да из одного можно две шапки сшить и рукавицы! Кстати, судя по опавшим листьям и полуголым кустам, сейчас осень. Может зима тут и не суровая, ведь кролики только там размножаются, где климат мягкий, но у меня даже куртки нет, плащ и тот ректор одолжил.

Так шубку захотелось или хотя бы накидку меховую. А если зверьки к магии невосприимчивы, это еще и защита будет.

– А магия с них только с живых соскальзывает? Или с выделанной шкуры тоже? – спросила, пока мужчина чистил очередную морковь.

– Со шкурок тоже, – сообщил рекор. – У меня есть несколько, думал их в стазис погрузить и скорняку отправить, когда связь со Светлыми землями появится, но не случилось. Пришлось самому обрабатывать. Только не говорите, что вы и туши разделывать умеете. Хотя вы же Темная, чему я удивляюсь, – мужчина отдал мне корнеплод и снова пошел вперед. – Уже близко, не отставайте.

– А если я поймаю зверьков, можно я шкурки себе оставлю? – мысль о кроличьей накидке прочно поселилась в моем воображении.

– Да сколько угодно, только мясо отдайте адептам.

– Вы же не готовите, сырым есть будете?

– Зачем сырым? На костре запечем или кашу сварим. Вы же не думаете, что мы одной морковью питаемся? – ректор оглянулся и приподнял бровь в немом вопросе.

Ну как не думаю? Именно так и думаю.

– Вы ругались, что магистр Чукар на кухне магию потратил, а сами сейчас ею морковь чистили, – сказала, чтобы не признаваться, что думала о мужчине не очень хорошо.

И не предполагала, что он может шкуру выделать. Я-то понятно, я на ферме пять лет прожила. На очень большой

американской ферме с огромным подворьем, где хозяин не любил тратить на “излишества” и все, что можно было сделать руками и бесплатным работником, то есть мной, так и делалось.

– У нас с ним разное положение. Магистр Чукар долго и плохо восстанавливает магический резерв, поэтому я бы предпочел, чтобы он тратил магию в исключительных случаях.

А мне показалось, что магистру Чукар очень даже понравилось тратить свою силу. Впрочем, я по прежнему ничего об этом не знаю.

– Лорд Готье, вы хотели рассказать мне про магию, – напомнила я.

– Да, позже, – отмахнулся он. – Мы пришли. Сейчас спокойно постойте рядом и не лезьте под руку.

Он раздвинул ветви очередного разросшегося куста и в нескольких шагах перед нами оказалась стена из бледно-лунного света. Она чуть мерцала и так и манила прикоснуться к ней, чтобы понять, какая она на ощупь – осязаемая или просто видимость? И если осязаемая, то какая – теплая и бархатистая или холодная и гладкая?

Но мне велели не лезть, и я спрятала руки за спину, сцепив пальцы и сжав их в кулаки. Мужчина, убедившись, что я стою на месте, подошел к изгороди и выставил вперед ладони. Они начали разгораться таким же бледно-лунным светом, как барьер, а во мне, чем ярче светились руки мужчи-

на, тем сильнее внутри нарастало желание вытолкнуть его за световой контур.

И когда свет с его рук потек в стену, это желание стало просто невыносимым.

Глава 10. За барьером

Я сделала шаг вперед и упала на колени. Это был, как мне казалось, единственный способ остановить меня. Мужчина услышал, оглянулся. Нахмурился.

– Что с вами? – спросил, гася свет в руках и подходя ко мне. Опустился на корточки. – Вам плохо?

Мне было отвратительно – тело ломало и выворачивало, на душе было тошно и мерзко, а еще меня захлестнуло разочарование в себе, что я такая слабая и никчемная. Хотелось обвинить во всем этом ректора, сорвать на нем злость и оттолкнуть. Точнее, вытолкать во тьму.

Наверное, я моркови переела. Наверняка, она тут у них отравленная. Потому что раньше за мной кровожадных помыслов не наблюдалось.

– Отойдите, пожалуйста, – попросила я. – Мне очень хочется вас за периметр вытолкнуть. Зря вы меня с собой взяли.

– Хм, интересно. А хочется только меня вытолкнуть или самой тоже туда пойти? – спросил ректор вместо того, чтобы возмущаться. – И не сидите на холодном, простыните. Или Темные не болеют?

– Не знаю я ничего о Темных, я их не видела ни разу, – сказала с отчаянием. Что за странный тип, должен ругаться, а он переживает, не заболею ли я. Я к такой заботе не при-

выкла и не знаю, как реагировать. – А за периметр...

Задумалась. Хочу ли я в эту темноту? Определенно. Будто тянет что-то и зовет. Но страшно же! А если там ректор будет, то он светится... Вытолкнуть его и посмотреть, что там, за стеной.

Поняла и сама удивилась. Это я хочу ректора как фонарь использовать?

– Хочу за периметр, – призналась я, зажмурившись.

Привычка дурная с лечебницы осталась, спросили – ответь, как есть. Как бы не было неприятно.

Мужчина молчал, словно к чему-то прислушивался, а я дыхание задержала в ожидании ответа. Сейчас скажет, что раз я Темная, то мне тут нельзя оставаться, и пошлет туда, во тьму. А я пойду. Потому что не просить же меня тут оставить. Не смогу просто.

– Вставайте, Карина, посмотрим, что вас заинтересовало за периметром, – он подхватил меня и поставил на ноги, оглядел, отряхнул прицепившиеся листочки с подола юбки и взял под руку.

А у меня колени подгибаются и внутри все дрожит. Не хватало только, чтобы я снова упала, на этот раз мужчине под ноги.

– Может, не сегодня? – спросила неуверенно.

– Сегодня магическая энергия доступна, так что я смогу вас защитить. Вам баланс восстановить надо, а морковь вам тут вряд ли поможет, – сказал и потянул меня вперед.

А я подумала – а если не только я хочу мужчину туда вытолкнуть, но и он меня?

– Морковь? – переспросила, когда ректор вернулся к барьеру, положил на него одну руку, а второй притянул меня к себе.

– Обопритесь на меня, вы едва стоите. Вы правда ничего не знаете о магии? – спросил он.

– В моем мире магии не было. Только книги о ней. Там Темные обычно управляют смертью, а Светлые светом. И они не очень ладят, – ответила, практически повиснув на мужчине.

Стало ужасно стыдно, что я настолько близко к нему, да еще и вешаюсь на шею. А отпустить страшно. И от этого такой раздрай в душе, что я губу закусилась и похоже до крови.

– А откуда берется магия в ваших книгах? – спросил ректор, под ладонью которого свет таял и стала появляться дыра. На меня он не обращал внимания, сосредоточившись на деле.

Я понадеялась, что и того, как краска стыда залила мое лицо, он не заметил.

– Не знаю. Просто есть и все.

– Угу. Ну, смотрите, Карина. Мир дает нам энергию и силы, как почва дает пищу растениям. Растения у вас в мире есть?

– Да.

Я поняла, что лорду Готье на самом деле не до моих

переживаний, и что он собирается прочесть мне лекцию, как преподаватель студентке. Роль внимательного слушателя мне привычна, я расслабилась и приготовилась внимательно слушать и запоминать. Сразу стало чуть легче.

– Так вот, растения из всех энергетических потоков, которыми пронизан мир, берут силы от тех, что дает почва и свет. Так и одаренные выбирают свои потоки, те, которые дают им возможность творить магию. На Окенчаре четыре континента. Самый большой – Срединный, он насыщен всеми потоками, и маги могут там брать энергию хоть от земли, хоть из воздуха. Там чаще всего у магов развивается стихийный дар. На западном находится Мороксойл – империя Темных магов. Так сложилось, что им проще и удобнее пользоваться энергиями, которые связаны со смертью и разрушением. Это не значит, что они не могут ничего другого, просто они собирают и копят в себе силу такой направленности. На востоке располагаются Светлые Земли. Мы заполняем свой резерв другим типом энергии, более всего пригодной для созидания. Проще всего нам создавать и использовать свет.

Тут в изгороди из этого самого света образовалась внушительная брешь из тьмы. Меня аж заколотило, как хотелось просунуть туда голову. Ректор же не торопился, он стал из света формировать арку, приподнимая сияние над нашими головами. Действия его были настолько плавными, выверенными и четкими, что как бы мне не хотелось нырнуть во тьму, но я залюбовалась.

— А мы с вами на Южном континенте, — продолжал мужчина, не отпуская меня и не прекращая работы. — Здесь энергетическое поле Окенчара очень разреженно и магических потоков почти нет. Даже те, которые есть, время от времени истончаются и исчезают. Поэтому магия у нас работает с перебоями, и из-за я против того, чтобы магистры расходовали ее бездумно. Ведь восстановить резерв им просто неоткуда, разве что из моркови, которая почему-то пришлась по вкусу и вам.

Он закончил арку и потянул меня во тьму.

Мысли копошились, толкались и никак не хотели выстраиваться в логичную и правильную схему. Морковка с подвохом? Меня ведет за собой за руку мужчина? Другие миры существуют? Я тут надолго? Я маг? Почему ректор так любезен, что он задумал?

Последняя мысль и заставила меня остановиться. Но было поздно.

Скелетов я видела. В училище в качестве дидактического пособия. Их было два — Вася и Люся. Так их прозвали учащиеся и все время норовили утащить пособия из кабинета естествознания, чтобы устроить с ними какую-нибудь каверзу. Вася, одетый в костюм, регулярно поджидал кого-нибудь за углом коридора, а Люся в парике, бусах и нарядном платье выпадала из шкафа.

Но тут скелетов было значительно больше, чем два. А сто-

ило нам выйти за периметр, как у них засветились глазницы, и они все вскинули головы. Я растерялась и застыла на месте.

Нет, скелетов я не испугалась. Подумала, что кто-то решил устроить глупую пакость, а ректор зачем-то втянул меня в этот розыгрыш.

И такое разочарование меня взяло, что не только руки опустились, но и как будто все кости разом вынули. Так, что я и шага сделать не могла, если только лужей растечься. И вдобавок нахлынуло это отвратительное чувство беспомощности, когда ни на что нет сил, а хочется только свернуться на полу калачиком и лежать так, закрыв глаза, пока все не закончится.

Лечь я не могла, а глаза закрыть – вполне. Так и поступила.

Глава 11. Уроки магии

– Госпожа Силина. Карина? Первый раз вижу Темную, которая боялась бы собственной нежити.

Доходило долго. Когда я возмущенно распахнула глаза, скелеты успели подобраться ближе и продолжали, покачиваясь, двигаться к нам.

– Это не моя нежить! – сказала я.

– А чья же? – делано удивился мужчина.

– Ваша.

– Из нас двоих Темная вы и за охранный барьер рвались тоже вы. Так что логично предположить, что нежить встречает тут вас, – заметил ректор.

Возразить было нечего, к тому же я обнаружила, что стою почти в его объятиях. А он придерживает меня и одновременно собирает в свободной руке свет. То есть Рейот Готье не тащил меня сюда специально и не подстроил все это? Внутри разлилось тепло.

– Я думала, это ваша шутка. Что вы хотите напугать меня, – сказала, сбрасывая оцепенение и с интересом рассматривая скелетов и все вокруг.

В свете голубоватой луны разглядела кусты и поля моркови, поодаль виднелся погост и высохший лес, над которым кружили вороны, вправо и влево уходил чуть светящийся молочно-белым охранный барьер. И скелеты, нестройно

двигающиеся к нам. Стало очевидно, что это не безобидные Васи и Люси, а нечто совсем иное.

– Вы полагаете меня изощренным самоубийцей, соваться прямиком к нежити в пасть? И я склонен думать, что они ждали тут вас. Видите, глазницы светятся? Это они с вами связь устанавливают.

– Зачем? – спросила я.

Скелеты и правда как будто смотрели на меня, медленно двигаясь в нашу сторону.

– Силу с вас берут, – пояснил ректор. – Вы Темная, они порождения тьмы, вы им нравитесь. Как закуска. Но предполагалось, что подпитываться будете вы, а не вами. Так что предлагаю возвращаться.

– Ага, – зачарованная мерцанием огней в глазницах, согласилась я. Но по-прежнему не могла сделать и шага.

Ректор помянул демонов, подхватил меня на руки и пошел в арку из света.

Спустил меня на землю, отошел и принялся закрывать проход.

А на меня опять нашел ступор. Меня не только защищали, меня еще и на руках носили! Ликование внутри достигло такой степени, что захотелось обнять и расцеловать весь мир, энергия внутри так и бурлила. Ну или просто сделать что-то хорошее.

– Можно, я помогу вам? – спросила.

Мужчина обернулся и всмотрелся в меня.

– Перебор с энергией?

Кивнула. Меня распирало изнутри. Сначала я думала, что это радость и благодарность, но сейчас это стало как будто жечь и припекать.

– Идите сюда. Сами встать сможете?

Опять кивнула. Встала, подошла к нему, шатаясь, словно пьяная. На ферме меня один раз напоили ради шутки, так что каково это, я знала.

– Силу передавать умеете? – спросил ректор, подхватив меня одной рукой, второй продолжая заделывать брешь.

Помотала головой отрицательно.

– Тогда представьте, что вы фонтан, а в ладони дыра, и оттуда лишняя сила выливается.

Я представили, с воображением у меня хорошо. Только вместо себя в голове почему-то слон представился. Знаете такой, как на упаковке чая, с поднятым хоботом? И оттуда полилось что-то и застыло на проходе сосульками. Красивыми таким, серебристыми, как ажурная решетка. Ректор их тронул рукой, и они едва слышно зазвенели.

Вздохнул.

– Легче стало? – спросил меня.

Кивнула.

– Вы прорву магической энергии сюда вылили, – сказал он мне. – Пойдемте, я вас в вашу комнату отведу. Поспите, отдохнете, а завтра думать будем, что с вами делать.

Кивнула, но с места не сдвинулась. Испугалась. А если я

что-то натворила? Ректор ведь совсем по другому сказал сделать! Вдруг это защите навредит? А там дети!

Ректор понял мое замешательство по своему. Поэтому просто подхватил на руки и понес. А я замерла и старалась не дышать.

Когда еще такое будет, чтобы меня кто-то на руках носил?

Комната располагалась на этаже преподавателей. Мужчины занес меня внутрь и поставил на ноги.

– Располагайтесь, я скажу целителю, чтобы она принесла вам вещи на первое время, а потом показала, что и где можно взять, – сказал Рейот Готье, отступая на шаг и осматривая меня. – Нормально себя чувствуете?

– Да.

Ректор еще раз окинул меня пристальным взглядом и вышел.

Без него стало одиноко и грустно, но я взяла себя в руки и огляделась.

Комната была небольшой и запущенной. А еще довольно аскетичной. Из мебели кровать стол, стул и шкаф. Окно с решетками даже без занавесок, пол без ковра. Из плюсов – крохотный туалет с раковиной. Осмотрела все, заглянула в шкаф, села на стул, выдвинула ящик стола. Ничего. Пусто и неуютно, так же как у меня в душе.

– Чего расселась? – целительница, вошедшая в комнату, деликатностью не отличалась. – Я тебе в носильщики не на-

нималась. – Вот это сорочки из лазарета, а за остальным на склад надо идти.

Она положила на кровать сверток и глянула на меня.

– Идешь? Или устала?

– Иду.

Оставаться одной не хотелось. Одиночество, которое я так ценила и любила в прошлой жизни, стало гнетущим.

Мы спустились вниз и по дороге я поняла, что госпожа Кинази пытается изучить меня. Ее внимание стало очень уж направленным, настолько, что что я его как сканирующий луч на себе ощущала.

– Что вы делаете? – не выдержала я.

– Извини, не могу понять, как он это сделал, ты же Темная, – ничуть не смутилась целительница.

– Кто и что сделал?

– Защиту на тебя наложил. Ректор наш. Просто он Светлый, а ты нет. Но сумел как-то.

Я промолчала. Моего мнения ведь не спрашивали.

Склад оказался в подвале. И он был ужасен. Такого бардака я в жизни не видела, там все было свалено бесформенными кучами, будто что-то искали, все достали, а убирать на место не стали.

– Нам нужны комплекты для заселения, вроде я видела их там, – сказала госпожа Кинази и двинулась по стеночке куда-то в сторону.

Я не выдержала, подняла какую-то коробку, поставила на

стол, открыла и заглянула внутрь. Там были листы желтоватой рыхлой бумаги.

– Лучше не трогай, сейчас хоть кто-то знает, что где лежит, а переставишь, начнут искать и вообще все перемешают, – сказала женщина, появляясь в проходе.

– Почему здесь такой беспорядок? – спросила я, возвращая коробку на место.

– Так нет хозяина, каждый заходит и берет, что ему надо. Если хочешь, наведи порядок, сейчас этот склад в твоём распоряжении. Вон ключ на стенке, активируй и никто без тебя не войдет.

Посмотрела стену, но обнаружила там только рисунок, похожий на руну.

– Этот? – уточнила.

– Да, он самый. Это запирающий ключ. Вон там очистительные руны и стазисные, – целительница показала в другую сторону. – Были еще руны учета, но их кто-то стер. Надо будет ректору сказать, чтобы обновил все, а то пыль собирается. Ну что стоишь, помогай!

Она тащила волоком огромный пакет, я подошла и попыталась тоже за него ухватиться.

– Не этот, второй бери, там белье, полотенца и прочее, что на смену дают.

Увидела еще один тук, схватила и вытащила его в проход.

– И чего стоишь? Левитируй! – приказала женщина.

– Как? – спросила я.

– Ой, горе! Я и забыла, что Темные в академию только за женихами ходят, неужели и этому не научилась?

Развела руками.

– Ладно, это просто, смотри, – сказала госпожа Кинази, растирая ладони. – Значит, захватываешь силой воздух и сжимаешь его под тюком. Потом ослабляешь давление, и он сам их приподнимает. Потом только направляешь, куда тебе надо, ну и добавляешь снизу, чтоб не упало. Давай, пробуй.

Не знаю, почему я послушалась. Женщина говорила уверенно и требовательно, а я хороший исполнитель, не привыкший возражать. Как выпускать силу, я уже знала – представить себя слоном, то есть фонтаном. Про сжатый воздух тоже понимала. Мне и в голову не пришло сомневаться в словах женщины. Единственное, вместо фонтана-слона с хоботом представила себя роботом-пылесосом, чтобы воздух загнать куда надо.

Вот этот образ пылесоса с двумя гибкими шлангами вместо рук было удерживать сложнее всего, приходилось смотреть, куда я задуваю и сжимаю воздух, чтобы тащить тюк. Потому пятерку адептов я не заметила. Рассыпанные свертки с вещами стали итогом нашей встречи.

– И что вы тут забыли? – зашумела на парней целительница. – Сбили человеку концентрацию. Вот сейчас берите все и несите в комнату госпожи завхоза.

– Извините, госпожа Силина. Мы все принесем. Нам надо только артефакты на складе взять, мы дежури́м сегодня но-

чью. У вас хорошо получается левитация, а мы думали так только Светлые могут и стихийники. Мы сейчас, мы быстро! – по очереди проговорили парни и бегом бросились дальше по коридору.

– Балбесы, – пробурчала им вслед женщина. – И чему их учат? Изначальная магия не имеет направленности, вопрос только в том, откуда черпать силу. Ладно, давай я помогу, а то ты устала, наверное.

Целительница подхватила левитацией вещи и донесла их до комнаты.

– Разберешься, запишись и ложись спать. Душ в конце коридора. Завтра увидимся, – проинструктировала меня целительница перед уходом.

Я и не собиралась поступать по-другому. Все вышло само собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.